

01

Спектроскопия барьерного разряда низкого давления. Послесвечение с ионами Ne_2^+ , Ne^+ и Ne^{2+}

© В.А. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет,
198504 Санкт-Петербург, Россия
e-mail: v.a.ivanov@spbu.ru

Поступила в редакцию 09.03.2021 г.

В окончательной редакции 15.04.2021 г.

Принята к публикации 23.04.2021 г.

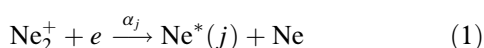
Промоделировано излучение распадающейся плазмы, формируемое процессами электрон-ионной рекомбинации с участием трех ионов неона: молекулярного иона Ne_2^+ и атомных ионов Ne^+ и Ne^{2+} . Подобная комбинация ионов, одновременно участвующих в формировании спектра плазмы, впервые обнаружена в послесвечении импульсного барьерного разряда цилиндрической конфигурации при давлениях неона менее 1 Торг и плотности электронов $\leq 4 \cdot 10^{10} \text{ см}^{-3}$. Основное внимание уделено сравнительному анализу механизмов ударно-радиационной рекомбинации ионов Ne^+ и Ne^{2+} на базе численного решения системы дифференциальных уравнений для плотностей ионов и долгоживущих возбужденных атомов в послесвечении с учетом основных элементарных процессов в распадающейся плазме с импульсным „подогревом“ электронов. Особенно подробно рассмотрены закономерности релаксации температуры электронов от разрядных значений несколько электрон-вольт до 300 К в далеком послесвечении. Сравнение модельных решений с результатами измерений интенсивностей спектральных линий методом многоканального счета фотонов показывает, что при их хорошем согласии в случае однозарядных ионов адекватное описание эволюции ионных линий требует расширения имеющихся сведений о рекомбинации ионов Ne^{2+} .

Ключевые слова: диэлектрический барьерный разряд, двукратно заряженные ионы, ударно-радиационная рекомбинация, распадающаяся плазма, элементарные процессы, константа скорости.

DOI: 10.21883/OS.2021.08.51193.1987-21

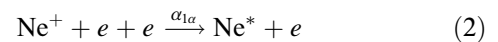
Введение

Настоящая работа является одним из результатов поиска оптимального способа спектроскопического исследования процессов электрон-ионной рекомбинации в слабоионизованной плазме. В качестве источника плазмы используем протяженный импульсный низкочастотный диэлектрический барьерный разряд (DBD) цилиндрической конфигурации [1,2]. Проявляющиеся в стадии распада плазмы свойства DBD — ионизация газа со смещением от центра цилиндра $r = 0$ максимумом плотности электронов $[e](r)$ [2] и практически без его разогрева [3,4] — оказались весьма удобными для анализа послесвечения в условиях предельно малых плотностей нейтральных частиц. Это позволило минимизировать роль неупругих атом-атомных столкновений в кинетике возбужденных атомов и подойти к решению задачи о распределении потока диссоциативной рекомбинации молекулярных ионов Ne_2^{2+} с электронами:

по выходным каналам процесса [2,5]. Иными словами, подойти к определению парциальных констант рекомбинации α_j . Для целей данной работы важным выводом экспериментов [2,5] является заключение о четкой границе, разделяющей возбужденные состояния атома

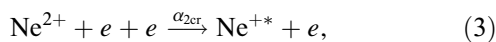
неона на две группы. Доступными для заселения вследствие диссоциативной рекомбинации оказываются уровни атома неона, расположенные в шкале энергий ниже уровня $3p_5$ (в обозначениях Пашена), т.е. $3p_3$, $3p_6-3p_{10}$ конфигурации $2p^5 4p$, а также уровни конфигураций $2p^5 3d$ и $2p^5 3p$. В то же время заселение более высоких уровней обусловлено ударно-радиационной рекомбинацией (CRR) ионов Ne^+ :

(α_{1cr} — константа скорости процесса). Интенсивности спектральных линий, связанных с процессами (1) и (2), во-первых, имели разные зависимости от времени в послесвечении и, во-вторых, по-разному реагировали на импульсный „подогрев“ электронов высокочастотным (HF) полем индукционного разряда [2] или продольным электрическим полем несамостоятельного разряда однонаправленного тока [5]. Следует подчеркнуть, что наличие упомянутой границы характерно только для распадающейся плазмы при температуре электронов, близкой к комнатной. В послесвечении с „подогревом“ электронов диссоциативная рекомбинация может являться источником высоковозбужденных атомов [6].

При давлениях неона $P_{\text{Ne}} \leq 1$ Торг проявилось еще одно свойство DBD используемой конфигурации [2]: в спектре послесвечения появлялись и увеличивались

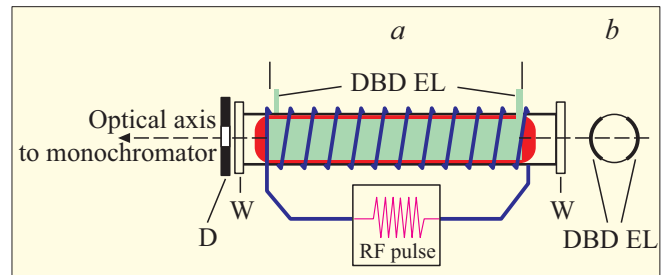
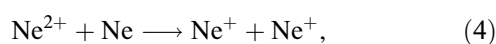
по интенсивности с уменьшением давления неона спектральные линии переходов между возбужденными уровнями иона Ne^{+*} . Заметим, что речь идет о плазме с плотностью электронов менее $5 \cdot 10^{10} \text{ cm}^{-3}$ [2]. Эти переходы составили третью группу линий, отличающуюся значительно более быстрым спадом в послесвечении по сравнению с упомянутыми выше и реакцией на подогрев электронов еще более выраженной, чем у линий атома неона, связанных с процессом (2). Последнее обстоятельство вместе со спектральным составом этого „нового“ излучения позволило предположить, что его источником является ударно-радиационная рекомбинация двукратно заряженных ($Z = 2$) ионов Ne^{2+} :

развивающаяся в послесвечении разряда низкого давления на фоне процессов (1) и (2). Моделирование послесвечения с участием этого процесса и составило задачу данной работы.

Ударно-радиационная рекомбинация играет ключевую роль в ионизационном балансе низкотемпературной плазмы. Ее исследованию, начиная с 1924 г. [7], посвящено большое количество работ, содержащих результаты численных расчетов [8] и теоретические модели как чисто столкновительной кинетики возбужденных атомов [9–11], так и с учетом радиационных переходов [8, 12–14]. Сравнение с экспериментальными данными по рекомбинации однозарядных ионов $Z = 1$ [11–13] показывает, что имеющихся представлений о процессе достаточно для понимания кинетики заряженных частиц плазмы с этими ионами. Послесвечение, связанное с процессом (2), в настоящей работе анализируется в плазме с температурой и плотностью электронов менее 1000 К и $5 \cdot 10^{10} \text{ cm}^{-3}$ соответственно. Этим условиям отвечает промежуточная модель CRR: константа скорости процесса определяется столкновительной кинетикой высоковозбужденных атомов, в то время как в пространстве уровней с небольшими главными квантовыми числами рекомбинационный поток переносится в основном излучением.

Несколько иначе ситуация представляется при обращении к процессу с участием ионов с $Z > 1$, хотя механизмы процессов идентичны, а их коэффициенты рекомбинации, согласно расчетам [8] и теории [10], отличаются только множителем, пропорциональным заряду Z (по [10] — Z^3). Однако их присутствие в плазме может не только изменить спектральный состав излучения, но и непростым образом повлиять на ход деионизации. Во-первых, они обладают иной подвижностью, что отражается на коэффициенте амбиполярной диффузии электронов, и во-вторых, их „время жизни“ в плазме зависит также и от эффективности процесса передачи заряда при столкновениях с атомами. Например, в случае неона это процесс

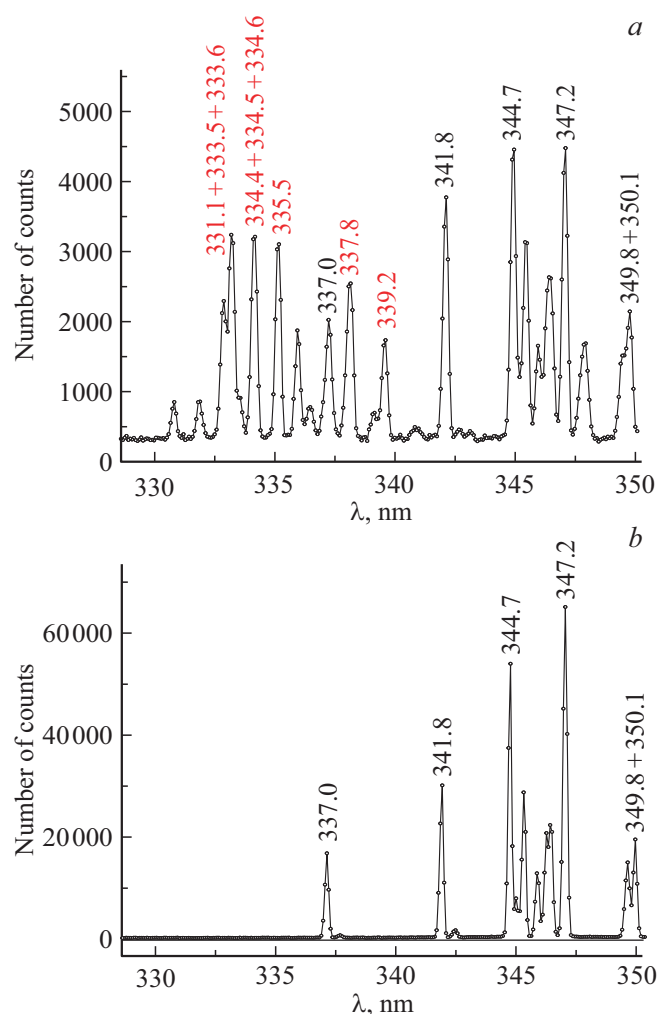

Рис. 1. (а) Схема совмещения барьерного разряда и импульсного HF-разряда (RF Pulse), D — диафрагма диаметром 5 мм, W — кварцевые окна. (б) Расположение электродов DBD на поверхности разрядной трубки.

константа скорости которого превышает $10^{-14} \text{ cm}^3 \cdot \text{s}^{-1}$ [15–17], что делает скорость ухода ионов Ne^{2+} зависящей также и от плотности нейтральных частиц. Этих обстоятельств, на наш взгляд, достаточно, чтобы попытаться использовать послесвечение DBD для изучения рекомбинации ионов Ne^{2+} , тем более, что процессы (2) и (3) происходят одновременно, что допускает прямое сравнение их характеристик. Мы не обнаружили в литературе экспериментальных данных об ударно-радиационной рекомбинации ионов с зарядом $Z > 1$, так что, вероятно, такое исследование будет предпринято впервые. В данной работе в качестве первого шага основное внимание уделено моделированию реакции интенсивностей спектральных линий на импульсный „подогрев“ электронов в послесвечении.

Постановка и результаты эксперимента

Плазма создавалась низкочастотным барьерным разрядом в цилиндрической стеклянной трубке (рис. 1) длиной 20 см и диаметром 3,9 см. Ток такого разряда представляет собой две полуволны противоположной полярности длительностью несколько микросекунд каждая [1] при равенстве нулю среднего значения. Каждая полуволна ионизирует газ так, что в результате создается плазма с максимумом плотности электронов, смещенным к стенке разрядной трубки. Преимущества исследования рекомбинационных процессов в послесвечении такого разряда и подробное описание эксперимента изложено в [2]. Частота разряда 80–160 Hz. Наблюдения велись вдоль оси разрядной трубки, давление неона 0.1–1 Torr. Время единичного измерения интенсивности $J(t)$ методом многоканального счета фотонов варьировалось в зависимости от яркости линий и мощности разряда от ~ 5 мин до нескольких часов. Здесь мы анализируем результаты, полученные при минимальной плотности электронов в послесвечении $[e] \leq 4 \cdot 10^{10} \text{ cm}^{-3}$. Величина $[e]$ оценивалась по характеру реакции населенности атомов неона в резонансных состояниях $Ne 3s(^3P_1)$ на импульсный HF-нагрев электронов при временах

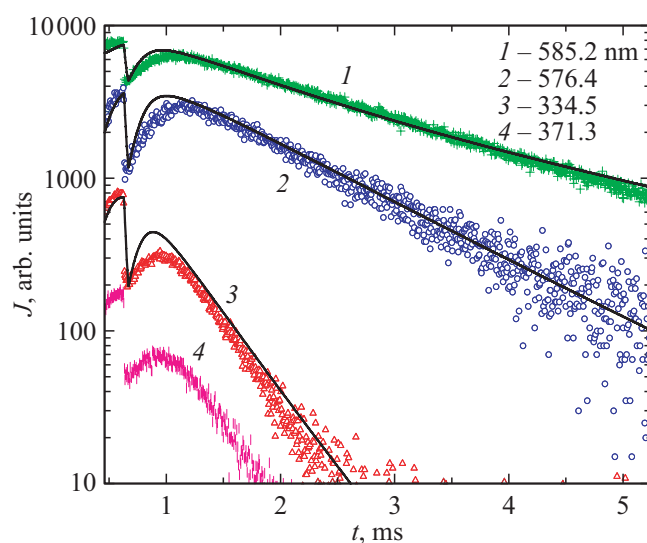
Рис. 2. Интегральные по времени спектры DBD (а) и импульсного HF-разряда (б). Давление неона 0.55 Торг. Отмечены наиболее сильные ионные линии.

≈ 1.5 ms от начала послесвечения. При всех условиях температура стенки трубки оставалась комнатной.

Для подогрева электронов в стадии распада плазмы на несколько микросекунд подавалось высокочастотное напряжение на катушку индуктивности, намотанную поверх электродов DBD на разрядную трубку. Уровень нагрева регулировался напряжением на схеме HF-разряда, так что можно было наблюдать переход от рекомбинационной ветви зависимости интенсивности спектральных линий от температуры электронов T_e , для которой характерен спад интенсивности с увеличением T_e , к ее резкому росту за счет ступенчатого возбуждения вплоть до развития импульсного самостоятельного ВЧ разряда. Последний использовался, в частности, для регистрации спектров излучения с целью их сравнения с формируемыми DBD. На рис. 2 показаны фрагменты таких спектров в ближней ультрафиолетовой области при давлении неона 0.55 Торг. Сравнительно низкое спектральное разрешение обусловлено трудностями реги-

страции слабых световых потоков и необходимостью в этой связи установки широких входной и выходной щелей монохроматора.

Рис. 3 демонстрирует характерные различия зависимостей интенсивностей линий $J_\lambda(t)$ трех упомянутых выше групп от времени и их реакцию на импульсный нагрев электронов HF-полем. Измерения выполнены при давлении неона 0.65 Торг и плотности электронов $[e](t_{\max}) \sim 4 \cdot 10^{10} \text{ cm}^{-3}$ ($t_{\max}$ — время формирования максимумов интенсивностей в послесвечении). Модельные расчеты $J_\lambda(t)$ на рис. 3 сравниваем с суммарным излучением неразрешенных в данном эксперименте линий 334.4, 334.5, 334.6 nm — в дальнейшем $J_{334.5}(t)$. Аналогичным образом вели себя и другие ионные линии, например 371.3 nm, также показанная на рис. 3. Форма отклика интенсивностей на импульс HF-поля — крутой передний фронт и сравнительно медленное возвращение к значению $J_\lambda(t)$ в послесвечении без нагрева электронов — объясняется спецификой постановки эксперимента при малых давлениях. Как видно из рис. 3, характерное время релаксации температуры электронов в этих условиях $\tau_T \sim 400 \mu\text{s}$ сравнимо с характерным временем спада интенсивности $J_{334.5}(t)$, так что во избежание заметного уменьшения плотности $[\text{Ne}^{2+}]$ в течение τ_{HF} -импульса нагрева приходилось устанавливать его длительность так, чтобы $\tau_{\text{HF}} \ll \tau_T$. В качестве реперных линий, отражающих процессы (1) и (2), использовались линии 585.2 nm (переход $3p \rightarrow 3s$) и 576.4 nm ($4d \rightarrow 3p$). На рис. 3 также представлены результаты моделирования процессов в послесвечении, которые мы обсудим позднее, а пока лишь заметим, что близкий к экспоненциальному характер спада интенсивностей всех трех линий указывает на преобладание диф-

Рис. 3. Послесвечение с импульсным подогревом электронов. $[e](t \approx 1.5 \text{ ms}) \approx 4 \cdot 10^{10} \text{ cm}^{-3}$, $P_{\text{Ne}} = 0.65$ Торг. Для удобства числа фотоэлектронов умножены на следующие коэффициенты: 3 (585.2 nm), 5 (576.4), 0.3 (334.5), 0.15 (371.3). Сплошные кривые — модельный расчет.

фузионного ухода заряженных частиц над процессами электрон-ионной рекомбинации при плотности электронов $[e] \leq 4 \cdot 10^{10} \text{ cm}^{-3}$.

В данной работе не обсуждается процесс диссоциативной рекомбинации молекулярных ионов и связанное с ним излучение плазмы. Отметим только, что показанное на рис. 3 модельное решение для линии 585.2 nm соответствует начальному условию $[Ne_2^+](t=0) \ll [Ne^+](t=0)$, потому что учтенные в модели процессы образования молекулярных ионов — конверсия $Ne^+ \rightarrow Ne_2^+$ при тройных столкновениях и парные столкновения атомов в метастабильных и резонансных состояниях (см. ниже) — при наших плотностях атомов не успевают за время DBD создать количество молекулярных ионов, заметное в ионном составе плазмы.

Параметры модели

Для моделирования поведения интенсивностей спектральных линий использовалось численное решение в среде Mathcad системы семи дифференциальных уравнений, описывающих эволюцию во времени плотностей ионов Ne^+ , Ne^{2+} и Ne_2^+ , плотностей атомов конфигурации $2p^5 3s$ в метастабильных ($^3P_2$ и $^3P_0$) и резонансном $^3P_1$ -состояниях и температуры электронов $T_e(t)$. Последний параметр является наиболее критичным ввиду сильной температурной зависимости коэффициентов α_{1cr} и α_{2cr} . Поэтому процессы, определяющие $T_e(t)$ в послесвечении, рассмотрим наиболее детально.

Температура электронов

Упругие столкновения

Закон изменения $T_e(t)$ в плазме за счет упругих столкновений при отсутствии источников тепла запишем следующим образом:

$$dT_e/dt = -(2m/M)v_{ea}(T_e - T_a) = -(T_e - T_a)/\tau_{ea}(T_e), \quad (5)$$

где m/M — отношение масс электрона и атома неона, v_{ea} — транспортная частота упругих столкновений, τ — характерное время релаксации T_e , T_a — температура атомов. Ход $T_e(t)$ задается частотой столкновений v_{ea} , т.е. транспортным сечением упругого рассеяния и его зависимостью от энергии электрона $\sigma_t(E_e)$. Испробовав различные варианты представления частоты v_{ea} на основе экспериментальных или расчетных данных о сечении упругого рассеяния, выбираем следующий алгоритм, позволивший наилучшим образом описать интенсивности $J(t)$. Использовались результаты эксперимента [18] по исследованию изменения температуры электронов в послесвечении разряда в инертных газах. Для неона в диапазоне температуры $450 > T_e > 300 \text{ K}$ авторы [18] нашли: $\tau_{ea}P_{Ne} = 3.5 \cdot 10^{-4} \text{ Torr} \cdot \text{s}$. С этим результатом, выражая частоту через сечение $v_{ea} = N_a \sigma_t v_e$ (N_a —

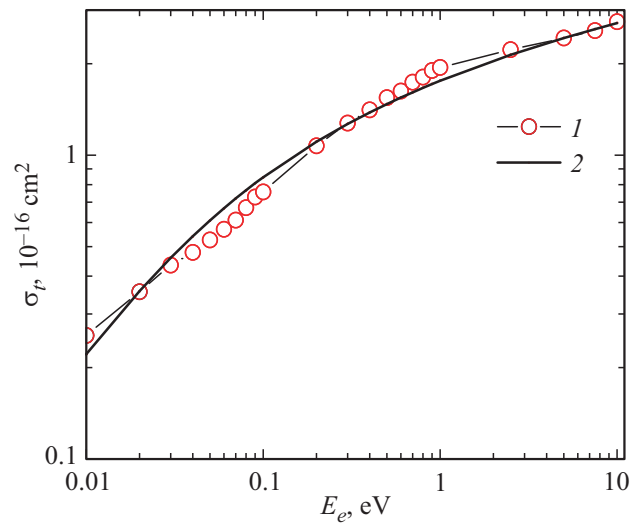

Рис. 4. 1 — транспортное сечение для электронов в неоне по расчетам [19], 2 — аналитическая аппроксимация.

плотность атомов) и учитывая, что скорость электрона $v_e \sim (T_e)^{1/2}$, для произвольной температуры найдем

$$1/\tau_{ea}(T_e) = (P_{Ne}/3.5 \cdot 10^{-4}) \sigma_t(3kT_e/2)/\sigma_t(0.03 \text{ eV}) \times (T_e/300)^{1/2}.$$

Сечение $\sigma_t(E_e)$, заимствованное из работы [19], аппроксимировалось аналитической функцией, степень соответствия которой данным [19] демонстрирует рис. 4.

Правая часть уравнения (5) была дополнена слагаемым, описывающим релаксацию энергии электронов при столкновениях с ионами. В данном случае использовалось предложенное в [20] (стр. 79) приближение для частоты передачи энергии ионам, из которого следует

$$\tau_{ei} \sim 3.15 \cdot 10^8 A T_e^{3/2}/[e] \text{ Ln} \Lambda \quad (6)$$

($A = 20$ — атомная масса иона, $\text{Ln} \Lambda \approx 10$ — кулоновский логарифм, T_e — в единицах eV). Как показывают модельные расчеты, электрон-ионные столкновения при давлении неона $\sim 1 \text{ Torr}$ становятся заметными по их влиянию на ход $J(t)$ в послесвечении. В уравнении (5) естественно складываются обратные величины времен релаксации $1/\tau_{ei} + 1/\tau_{ea}$.

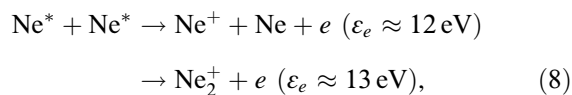
Процессы с появлением „быстрых“ электронов

В плазме разрядов в тяжелых инертных газах суммарные населенности атомов в метастабильных и резонансных состояниях конфигураций $np^5(n+1)s$ (n — главное квантовое число) близки к плотности электронов (в гелиевой плазме плотность атомов в метастабильном состоянии 2^3S_1 может на порядок величины превышать концентрацию электронов [20]). Их столкновения с электронами или друг с другом, как, например, в случае неона:

Константы скоростей основных реакций с участием ионов и атомов Ne $2p^53s(^3P_2, ^3P_1)$, в фигурных скобках — величины для основного состояния иона $Ne^{2+}(^3P)$ и метастабильных состояний ^1D и ^1S , в круглых скобках — константа по результатам данной работы

Частица	Реакция	Константа скорости	Подвижность, $cm^2 \cdot V^{-1} \cdot s^{-1}$ (300 K)
Ne^+	$Ne^+ + Ne + Ne \rightarrow Ne_2^+ + Ne$	$0.47 \cdot 10^{-31} cm^6 \cdot s^{-1}$ [40]	3.9 [42]
Ne^{2+}	$Ne^{2+} + Ne \rightarrow Ne^+ + Ne^+$	$9 \cdot 10^{-14}$ [16] $cm^3 \cdot s^{-1}$ ($3.7 \cdot 10^{-14}$)	6 [16]
$Ne^{2+} (^3P, ^1D, ^1S)$	$Ne^{2+} + Ne \rightarrow Ne^+ + Ne^+$	$\{2.1, 1.9, 2.7\} \cdot 10^{-14} cm^3 \cdot s^{-1}$ [17]	$\{7, 6.5, 8.5\}$ [41]
	$Ne^{2+} + Ne + Ne \rightarrow Ne^+ + Ne^+ + Ne$	$\{5.1, 3.5, 3.5\} \cdot 10^{-31} cm^6 \cdot s^{-1}$ [17]	
Ne_2^+	$Ne_2^+ + e \rightarrow Ne^* + Ne$	$1.7 \cdot 10^{-7} cm^3 \cdot s^{-1}$ ($T_e = 300 K$) [44]	6.1 [42]
$Ne 2p^53s(^3P_1)$	$Ne(^3P_1) + e \rightarrow Ne(^1S_0) + e$	$2 \cdot 10^{-10} cm^3 \cdot s^{-1}$ [23]	
$Ne 2p^53s(^3P_2)$	$Ne(^3P_2) + e \rightarrow Ne(^1S_0) + e$	$2 \cdot 10^{-10} cm^3 \cdot s^{-1}$ [23]	
$Ne^* + Ne^*$	$Ne(^3P_2) + Ne(^3P_2) \rightarrow Products + e$	$3.8 \cdot 10^{-10} cm^3 \cdot s^{-1}$ [23]	
$Ne^* + Ne^*$	$Ne(^3P_2) + Ne(^3P_1) \rightarrow Products + e$	$1.3 \cdot 10^{-9} cm^3 \cdot s^{-1}$ [23]	

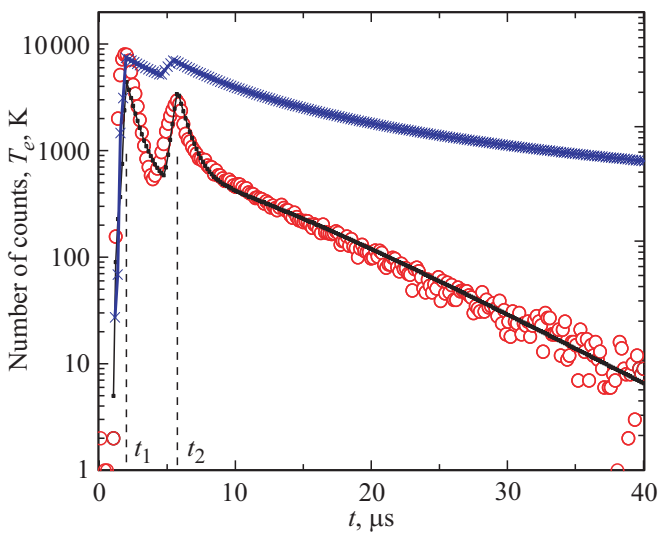

приводят к появлению „быстрых“ электронов с энергиями, намного превышающими среднюю энергию электронов послесвечения. Вследствие электрон-электронных столкновений часть их энергии передается основной группе электронов, что может заметно замедлить спад $T_e(t)$ вследствие упругих столкновений. Константы скоростей процессов (7), (8) представлены в таблице. Алгоритм учета влияния реакций (7), (8) на температуру электронов в послесвечении неоднократно обсуждался в литературе (например, [21–24]). В нашем случае применим подход, отвечающий нелокальной кинетике электронов, так как длина их энергетической релаксации λ_e в условиях эксперимента намного превосходит радиус разрядной трубки: $\lambda_e \gg R$. В такой плазме быстрые электроны либо уходят из объема в режиме свободной диффузии и передают за счет $e-e$ -столкновений основной группе электронов малую долю энергии ε_e , либо, если их достаточно много для формирования высокого скачка пристеночного потенциала и они оказываются частично „запертыми“ в плазме, доля δ передаваемой энергии определяется отношением частоты $e-e$ -столкновений к суммарной частоте передачи энергии при столкновении с частицами плазмы. Имея в виду приближенный характер этих оценок и возможное влияние обсуждаемых процессов на ход $T_e(t)$ и соответственно на результаты моделирования при сильной температурной зависимости коэффициентов $CRR(T_e)$, мы провели расчеты при различных параметрах δ от 0 до 1. Особенно критичным оказалось влияние параметра δ на результаты моделирования эксперимента с подогревом электронов (рис. 3). Для величин δ , превышающих 0.4, не удалось подобрать набор других параметров, определяющих $T_e(t)$, варьируя

их в разумных пределах, для достижения приемлемого согласия с экспериментом. На рис. 3 данные модели соответствуют $\delta = 0.25$.

Другие процессы, влияющие на температуру электронов в распадающейся плазме

В послесвечении разрядов при низких давлениях наблюдается явление диффузионного „охлаждения“ электронов [23–29]. Суть явления в том, что в процессе амбиполярной диффузии на стенки контейнера плазменного образования уходят наиболее быстрые электроны, способные преодолеть амбиполярное электрическое поле и пристеночный потенциальный барьер, тормозящие их движение, унося тем самым энергию, превышающую среднюю энергию электронов. Не углубляясь в тонкости анализа [24,30] вариантов движения электронов в условиях нелокальной кинетики, для оценки эффективности диффузионного охлаждения воспользуемся оценкой [31] (стр. 206), согласно которой правую часть уравнения (5) следует дополнить слагаемым — $\beta T_e / \tau_D$, в котором τ_D — время амбиполярной диффузии, β — коэффициент, слабо (логарифмически) зависящий от параметров плазмы и по порядку величины $\beta \sim 10$. Расчеты с этой оценкой не выявили заметного влияния диффузионного охлаждения на модельные кривые: смещение максимума модельных интенсивностей оказалось намного менее значительным, чем при учете электрон-ионных столкновений. Аналогичным оказался и результат учета рекомбинационного „нагрева“ электронов послесвечения: в каждом трехчастичном акте ударно-радиационной рекомбинации, начинающимся захватом электрона ионом и заканчивающимся появлением атома в основном состоянии, электронам плазмы передается энергия, равная нескольким kT_e , что нетрудно было учесть в уравнении (5).

Рис. 5. Интенсивность линии 692.9 nm (кружки, черная сплошная кривая — модельный расчет) и температура электронов T_e (синяя кривая, для удобства изображения умножена на 0.1) в разряде и раннем послесвечении.

Проверку адекватности описания релаксации температуры электронов мы провели следующим образом. На рис. 5 показано изменение во времени интенсивности линии 692.9 nm (переход $2p_6 \rightarrow 1s_2$), начиная с включения разряда в условиях рис. 3. Выбор линии 692.9 nm обусловлен тем, что эволюция ее интенсивности не искажена поглощением излучения ввиду малости населенности нижнего резонансного уровня $2p^53s(^1P_1)$. Наличие и положение максимумов $J_{692.9}(t)$ отражает характер развития DBD. На рис. 5 изображена также модельная кривая $J(t)$, построенная на основе решения упомянутой выше системы дифференциальных уравнений. При этом в качестве начального условия задано $T_e(t=0) = 300$ K, а в предшествующие положения максимумов интенсивности времена t_1 и t_2 заданы температурные возмущения, амплитуды которых подбирались из условия наилучшего соответствия расчетной и экспериментальной кривых. Вместе с этими двумя параметрами варьировались также еще два параметра d и s , отвечающих за относительный вклад процессов прямого и ступенчатого возбуждения уровня $2p_6$:

$$J(t) = d f_1(t) + s f_2(t),$$

где функции $f_1(t) = \langle \sigma_d v_e \rangle$ и $f_2(t) = \langle \sigma_s v_e \rangle$ вычислялись интегрированием сечений прямого (из основного состояния) σ_d и ступенчатого σ_s (из метастабильного состояния $2p^53s(^3P_2)$) возбуждения по функции распределения электронов, которая считалась максвелловской с температурой $T_e(t)$. В вычислениях использовались аналитические аппроксимации сечений, полученные в работе [32]. Из рис. 5 видно, что имеет место заметное несоответствие расчета и эксперимента в стадии разряда

и хорошее, на наш взгляд, описание в раннем послесвечении. Расхождения в максимумах интенсивности понятны, так как корректный учет прямого возбуждения требует адекватного вычисления функции распределения электронов при энергиях $E_e \approx 20$ eV, и они не существенны для целей настоящей работы. Здесь важно, что модельный расчет дает значение $T_e \approx 45\,000$ K по окончании разряда, которое мы использовали в качестве начального условия при анализе послесвечения.

Отметим, что для ионных линий характерен значительно более глубокий, чем показанный на рис. 5, „провал“ интенсивностей при времени в послесвечении $t_1 < t < t_2$ ([2], Fig. 6). Очевидно, это отражает существенно более сильную температурную зависимость скорости возбуждения ионных уровней электронным ударом в разряде и ранней стадии послесвечения.

Амбиполярная диффузия

Наличие нескольких сортов ионов в плазме усложняет описание амбиполярного ухода заряженных частиц. Вслед за [33] к решению этой задачи в приложениях к различным типам плазменных объектов обращались авторы многих исследований [34–37]. Искомое решение должно давать скорости амбиполярной диффузии ионов с различными подвижностями и электронов, зависящие от времени в соответствии с изменением ионного состава и температуры электронов так, чтобы выполнялось условие квазинейтральности плазмы. Строгий подход требует обращения к системе дифференциальных уравнений в частных производных с заданием начальных пространственных распределений заряженных частиц. Такими данными мы не располагаем, поэтому, как это принято в большинстве цитированных выше исследований, будем предполагать радиальные распределения плотностей $Ne^+(r)$, $Ne^{2+}(r)$ и $[e(r)]$ диффузионными и пренебрежем молекулярными ионами, что допустимо при давлениях менее 1 Torr [2]. В качестве обоснования возможности реализации подобной ситуации в наших условиях сошлемся на тот факт, что анализировать послесвечение будем с задержкой по времени от его начала не менее, чем τ_D , в надежде на работу высших диффузионных мод. Воспользуемся результатами [16,33] для распадающейся плазмы с двумя типами ионов, которые представлены следующими соотношениями для коэффициентов амбиполярной диффузии ионов Ne^+ и Ne^{2+} :

$$D_{a,1} \approx D_1(1 + T_e/T_a), \quad D_{a,2} \approx D_2(1 + 2T_e/T_a).$$

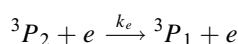
Коэффициенты диффузии D_1 и D_2 связаны с подвижностями ионов соотношениями Эйнштейна (предполагаем максвелловское распределение электронов) $\mu_1/D_1 = (1/2)\mu_2/D_2 = e/kT_a$, если температуры ионов одинаковы и равны температуре газа T_a . Данные о подвижностях ионов представлены в таблице. Заметим,

что для численного решения задачи нет необходимости дополнять систему уравнений уравнением для плотности электронов. Для выполнения условия квазинейтральности достаточно в качестве $[e](t)$ подставить $[\text{Ne}^+](t) + 2[\text{Ne}^{2+}](t)$, и таким же образом находить решение для $[e](t)$.

Относительная плотность молекулярных ионов $[\text{Ne}_2^+]/[e]$ по нашим оценкам в послесвечении составляет не более 1–2%, так что их роль в формировании амбиполярных потоков незначительна. Тем не менее связанное с ними излучение (рис. 3) сравнительно легко регистрируется, что объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, коэффициент диссоциативной рекомбинации ионов Ne_2^+ по крайней мере на 2 порядка при имевших место плотностях $[e]$ превышает коэффициент $\alpha_{1\text{cr}}$, и во-вторых, упомянутым выше свойством селективности процесса.

Плотности атомов конфигурации $2p^53s$

Населенности этой группы атомов измерялись по методу поглощения с использованием в качестве дополнительного источника излучения разрядной трубки диаметром 2 см, наполненной неоном при давлении 2 Торг и расположенной поперек оптической оси. Детали измерений и расчетов изложены в [5]. Нам не удалось надежно зарегистрировать поглощение на переходах в состояние $^1P_1$, оказавшееся менее 1% (измерения проводились в основном на линии 585.2 нм), поэтому можем лишь указать оценку населенности $[^1P_1]$ ($1s_2$ в обозначениях Пашена) — менее 10^9 см^{-3} , в то время как суммарная населенность $[^3P_0] + [^3P_1] + [^3P_2]$ в начале послесвечения при всех условиях была близка к плотности электронов. Мы не приводим подробности описания кинетики населенностей уровней $2p^53s$. Отметим только, что имеющихся в литературе данных об элементарных процессах с участием атомов этой конфигурации оказалось достаточно для достижения хорошего соответствия экспериментальных данных и модельных расчетов. Единственный параметр, который приходилось подбирать из условия наилучшего согласия с экспериментом, — вероятность выхода резонансного излучения на переходе в основное состояние $^3P_1 \rightarrow ^1S_0 + h\nu$. Подобный прием был применен нами в работе [38], результаты которой по измерению константы скорости $k_e(T_e)$ электронно-стимулированных переходов

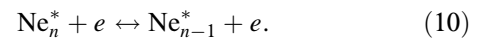
мы использовали в данной работе для оценки плотности электронов в послесвечении с импульсным подогревом электронов.

Температурные зависимости интенсивностей спектральных линий и констант скоростей ударно-радиационной рекомбинации

В модельных вычислениях, результаты которых приведены на рис. 3, полагаем, что температурные зависимости интенсивностей линий 576.4 и 334.5 нм тождественны зависимостям коэффициентов рекомбинации $\alpha_{1\text{cr}}(T_e)$ и $\alpha_{2\text{cr}}(T_e)$ соответственно. Это требует обоснования, поскольку населенности возбужденных атомов распадающейся с участием обсуждаемых процессов плазмы существенно по-разному отслеживают ее параметры в зависимости от энергии связи возбужденного электрона ϵ_n (n — главное квантовое число). Высоковозбужденные состояния атома в плазме с достаточно высокой плотностью электронов находятся в равновесии со свободными электронами, так что их населенности (и соответственно температурные зависимости излучаемых ими линий) описываются формулой Саха:

$$N_n \sim \exp(\epsilon_n/kT_e)/(T_e)^{3/2}. \quad (9)$$

Это означает, что в их кинетике радиационные процессы не играют роли, а поток рекомбинации переносится „вниз“ по энергии возбуждения в последовательных столкновительных переходах:

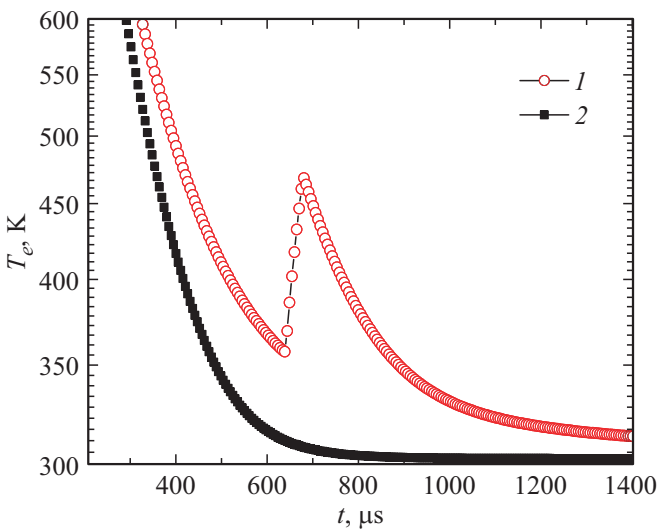
С уменьшением энергии возбуждения (увеличением ϵ_n) ситуация меняется вследствие двух факторов: уменьшения вероятностей электронно-стимулированных переходов (10) между уровнями и увеличением вероятностей A_n их излучательного опустошения (для водородоподобных уровней $A_n \sim n^{-4.5}$ [39]). Начиная с некоторых ϵ_{ns} , радиационные переходы становятся преобладающими, и уже они в основном переносят поток рекомбинации. Интенсивности спектральных линий этих переходов поэтому пропорциональны потоку рекомбинации. В случае линии 576.4 нм

$$J_{576.4} \sim \alpha_{1\text{cr}}(T_e)[e][\text{Ne}^+]. \quad (11)$$

Для оценки ϵ_{ns} воспользуемся результатами [11], согласно которым применительно к нашим условиям $\epsilon_{ns} \geq 5kT_e$. Экспериментальные данные сравниваем с модельными при временах, начиная непосредственно перед максимумом интенсивностей, когда температура электронов по модельным расчетам $T_e(t) < 0.1 \text{ eV}$. Энергия связи уровня $4d$, с которого исходит линия 576.4 нм, $\epsilon_{ns} = 0.86 \text{ eV}$, что оправдывает соотношение (11).

В качестве коэффициента рекомбинации ионов Ne^+ используем аппроксимацию, предложенную авторами [14]:

$$\alpha_{1\text{cr}} = 1.55 \cdot 10^{-10} T_e^{-0.63} + 6.0 \cdot 10^{-9} T_e^{-2.18} [e]^{0.37} + 3.8 \cdot 10^{-9} T_e^{-4.5} [e]. \quad (12)$$

Рис. 6. Температура электронов T_e в послесвечении: 1 — импульсный HF-подогрев электронов в расчете с коэффициентом $\delta = 0.25$, 2 — без подогрева и без учета передачи энергии от быстрых электронов.

Здесь T_e — температура электронов в кельвинах, $[e]$ — плотность в cm^{-3} , α_{1cr} — коэффициент рекомбинации в cm^3/s . Первое слагаемое в (12) — вклад радиационной рекомбинации, второе — результат сложной конкуренции столкновительных и излучательных процессов, третий — коэффициент рекомбинации в столкновительной плазме. Последний практически совпадает с вычисленным в [10] для $Z = 1$.

Что касается иона Ne^{2+} , то мы не располагаем информацией, подобной изложенной выше в отношении рекомбинации ионов Ne^+ . Единственное, что представляется достаточно очевидным, это значительно более сильное влияние взаимодействия Ne^{+*} с электронами плазмы в формировании рекомбинационного потока по системе высоковозбужденных уровней иона, вследствие чего, согласно [10], $\alpha_{Zcr} \sim Z^3$. Опираясь на это соображение, сравнение экспериментальных интенсивностей $J_{334.5}(t)$ с модельными вычислениями мы начали с коэффициентом рекомбинации ионов $[Ne^{2+}]$ в виде

$$\alpha_{2cr} = Z^3 \cdot 3.8 \cdot 10^{-9} T_e^{-4.5} [e], \quad (13)$$

а интенсивность линии 334.5 nm представили как

$$J_{334.5}(t) \sim \alpha_{2cr}(T_e)[e][Ne^{2+}]. \quad (14)$$

В таблице указаны основные, критичные для результатов моделирования частицы, реакции и их характеристики.

Сопоставление модели с экспериментальными данными

Обработку результатов эксперимента, показанных на рис. 3, мы провели следующим образом. В качестве первого шага использовали данные рис. 3, 5 для контроля

степени корректности расчета температуры $T_e(t)$ послесвечения. Наилучшее описание эксперимента достигнуто при несколько измененном по сравнению с заложенным в модель значением времени $\tau_{ea} = 5.4 \cdot 10^{-4}$ s (при $P_{Ne} = 0.65$ Torr), а именно $\tau_{ea} = 6.3 \cdot 10^{-4}$ s. Рисунок 6 показывает результаты расчета $T_e(t)$ в эксперименте с импульсным нагревом электронов, а также влияние процессов (7), (8) с участием долгоживущих возбужденных атомов, которые были учтены при вычислении интенсивностей $J_{Mod}(t)$.

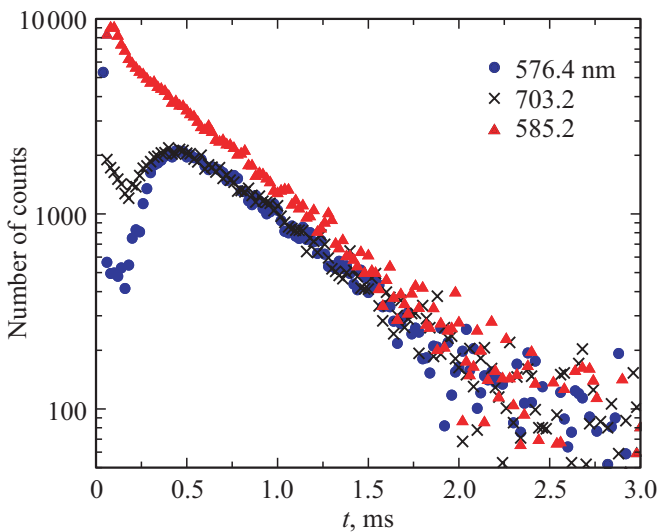
Как уже отмечалось, характер изменения интенсивностей $J_{Exp}(t)$ атомных и ионных линий в этих условиях позволяет допустить преобладание амбиполярной диффузии в балансе числа заряженных частиц. Для сопоставления расчетных и экспериментальных кривых необходимы данные об относительной плотности ионов $[Ne^+]/[Ne^{2+}]$, которыми мы не располагаем. Однако, как показали расчеты, ход $J_{Mod}(t)$ линий 576.4 и 334.5 nm заметно реагирует на изменение относительной плотности ионов, что позволило оценить (с точностью до полутора раз) оптимальное для рис. 3 отношение плотностей $[Ne^+]/[Ne^{2+}](t=0) \sim 3$. Далее подбором параметров модели кривые $J_{Mod}(t)$ совмещались с $J_{Exp}(t)$ до наилучшего совпадения в среднем по времени. При этом мы учитывали, что сумма $([Ne^+] + 2[Ne^{2+}])(t = 1.5$ ms) должна быть близка к оценочной плотности электронов $[e] \sim 4 \cdot 10^{10} cm^{-3}$. В результате таких процедур были найдены несколько наборов констант скоростей процессов, отвечающих вводимым в модель наиболее критичным в данной задаче параметрам, ответственным за температуру электронов в послесвечении — времени τ_{ea} и коэффициенту δ передачи энергии от быстрых электронов. Наиболее существенные для целей настоящей работы выводы, полученные в результате сопоставления $J_{Exp}(t)$ и $J_{Mod}(t)$, заключаются в следующем.

а) Небольшие вариации τ_{ea} (несколько процентов) и δ (несколько десятков процентов) могли быть скомпенсированы в целях соответствия $J_{Exp}(t)$ и $J_{Mod}(t)$ подбором других параметров задачи в пределах их отклонения от литературных данных 10–15%.

б) Некоторые параметры задачи во всех наборах оказались заметно отличающимися от первоначально использованных литературных данных — это упомянутое выше время τ_{ea} и константа скорости процесса (4). У нас нет оснований предполагать участие в формировании послесвечения линии 334.5 nm ионов Ne^{2+} в различных состояниях конфигурации $2s^2 2p^4$ (таблица), поэтому все полученные данные относим к одному иону. В качестве такового, по-видимому, логично рассматривать основное состояние $Ne^{2+}(^3P)$. Константы скорости реакции (4), как следует из таблицы, по результатам [16,17] заметно расходятся. Наши данные наилучшим образом согласуются со значением $\sim 3.7 \cdot 10^{-14} cm^3/s$.

в) Никакие вариации параметров задачи не смогли устранить несоответствие $J_{Exp}(t)$ и $J_{Mod}(t)$ непосредственно после импульса нагрева электронов. Очевид-

Рис. 7. Послесвечение DBD при $P_{\text{Ne}} = 0.1$ Torr. $t = 0$ соответствует началу разряда.

но, в рассматриваемой модели не удастся корректно учесть разрушение ионов Ne^{2+} при нагреве электронов. В меньшей степени, как следует из рис. 3, это относится и к Ne^+ . Напомним, что коэффициент $\alpha_{1\text{cr}}$ в виде (12) заимствован из теории [14], в которой, как и в других подобных работах, анализ потока рекомбинации основан на вычислениях скоростей столкновительных переходов (10) между водородоподобными уровнями атома. Поскольку формирование потока происходит преимущественно в области больших квантовых чисел, результаты распространяются и на тяжелые ионы. Учет реальной структуры возбужденных уровней может внести заметные изменения в вычисляемые скорости рекомбинации, особенно для повышенных температур электронов [43]. С другой стороны, пропорциональность интенсивностей спектральных линий потокам рекомбинации (12) также основана на приближенных оценках, а что касается (13), то таковые и вовсе отсутствуют. Заметим, что увеличение вклада второго слагаемого в формуле (12) в модели заметно сглаживало упомянутое выше расхождение на линии 576.4 nm (и на линии 585.2 nm вследствие заметного вклада рекомбинации (2) в заселение уровней $3p$).

г) Еще одно неустраняемое разночтение — предпочтительность увеличения в модели коэффициента рекомбинации (13) — множителя Z^R . Согласно расчетам [8], коэффициент R в зависимости от плотности и температуры электронов может принимать значения от $R = 4$ до отрицательных величин при высоких T_e . Насколько нам известно, последнее пока не имеет экспериментального подтверждения. Наше утверждение следует понимать скорее как необходимость более детального исследования механизма CRR многозарядных ионов, в том числе в широком диапазоне изменения плотности

электронов. Это и составит задачу наших следующих экспериментов.

В завершение отметим важное свойство послесвечения с атомными и молекулярными ионами при малых плотностях неона. На рис. 7 показаны интенсивности линий с поправкой на спектральную чувствительность схемы регистрации излучения при самом низком в эксперименте давлении $P_{\text{Ne}} = 0.1$ Torr. Видно, что, за исключением особенностей ранней стадии, интенсивности ведут себя одинаково и тождественно линии 576.4 nm, связанной с ионами $[\text{Ne}^+]$, и практически одинаковы по числу фотонов. Качественное различие раннего послесвечения линий 585.2 nm (верхний уровень $2p_1$) и 703.2 nm ($2p_{10}$) свидетельствует о различии механизмов возбуждения, но их обсуждение выходит за рамки данной работы.

Выводы

Спектроскопически исследовано послесвечение низкочастотного барьерного разряда цилиндрической геометрии в неоне при давлении менее 1 Torr и плотности электронов $[e] \leq 4 \cdot 10^{10} \text{ cm}^{-3}$. На основе модели послесвечения, содержащей элементарные процессы с участием электронов, атомных и молекулярных ионов и долгоживущих возбужденных атомов в резонансных и метастабильных состояниях, интерпретированы результаты эксперимента, указывающего на формирование в плазме послесвечения трех групп возбужденных частиц, образование которых обусловлено конкуренцией процессов рекомбинации с участием молекулярных (Ne_2^+) и атомных (Ne^+ , Ne^{2+}) ионов. Излучаемые ими спектральные линии отчетливо различаются по зависимостям интенсивностей от времени и характеру отклика на импульсное возмущение электронной температуры в послесвечении высокочастотным электрическим полем. Сравнение модельных и измеренных зависимостей интенсивностей $J(t, T_e)$ ионных линий, впервые зарегистрированных в распадающейся плазме, указывает на недостаточность имеющихся сведений об ударно-радиационной рекомбинации двухзарядных ионов и необходимость детального исследования этого процесса.

Результаты данной работы вместе с предшествующими экспериментами с барьерным разрядом использованной конфигурации показывают перспективность этого способа создания плазмы для исследования элементарных процессов в широком диапазоне плотностей газа, достигающем четырех порядков величины без изменения его геометрии и схемы питания.

Конфликт интересов

Конфликт интересов отсутствует.

Список литературы

- [1] Иванов В.А. // Опт. и спектр. 2019. Т. 126. № 3. С. 247; Ivanov V.A. // Opt. Spectrosc. 2019. V. 126. N 3. P. 167. doi 10.21883/OS.2019.03.47361.185-18
- [2] Ivanov V.A. // Plasma Sources Sci. Technol. 2020. V. 29. P. 045022. doi org/10.1088/1361-6595/ab7f4c
- [3] Golubovskii Yu.B., Maiorov V.A., Behnke J., Behnke J.F. // J. Phys. D. 2003. V. 36. P. 39. stacks.iop.org/JPhysD/36/39
- [4] Ivković S.S., Obradović B.M., Kuraica M.M. // J. Phys. D. 2012. V. 45. 275204. doi 10.1088/0022-3727/45/27/275204
- [5] Гордеев С.В., Иванов В.А., Скобло Ю.Э. // Опт. и спектр. 2019. Т. 127. № 3. С. 247. doi 10.21883/OS.2019.09.48190.106-19; Gordeev S.V., Ivanov V.A., Skoblo Yu.E. // Opt. Spectrosc. 2019. V. 127. N 3. P. 418.
- [6] Иванов В.А. // УФН. 1992. Т. 162. № 1. С. 35. doi 10.3367/UFNr.0162.199201b.0035; Ivanov V.A. // Sov. Phys. Usp. 1992. V. 35. N 1. P. 17. doi 10.1070/PU1992v035n01ABEH002192
- [7] Thomson J.J. // Phil. Mag. 1924. V. 47. P. 337. doi org/10.1080/14786442408634372
- [8] Bates D.R., Kingston A.E., McWhirter R.W.P. // Proc. Roy. Soc. (London). 1962. V. A267. P. 297. <https://www.jstor.org/stable/2414257>
- [9] Makin B., Keck J.C. // Phys. Rev. Lett. 1963. V. 11. N 6. P. 281.
- [10] Gurevich A.V., Pitaevskii L.P. // Sov. Phys. JETP. 1964. V. 19. N 4. P. 870.
- [11] Mansbach P., Keck J. // Phys. Rev. 1969. V. 181. N 1. P. 275.
- [12] Hinnov E., Hirschberg J.G. // Phys. Rev. 1962. V. 125. N 3. P. 795.
- [13] Johnson L.C., Hinnov E. // JQSRT. 1973. V. 13. P. 333.
- [14] Stevefelt J., Boulmer J., Delpech J-F. // Phys. Rev. A. 1975. V. 12. N 4. P. 1246.
- [15] Hertel G.R., Koski W.S. // J. Chem. Phys. 1964. V. 40. P. 3452.
- [16] de Hoog F.J., Oskam H.J. // J. Appl. Phys. 1973. V. 44. P. 3496.
- [17] Johnsen R., Biondi M.A. // Phys. Rev. A. 1978. V. 18. N 3. P. 996.
- [18] Dean A.G., Smith D., Adams N.G. // J. Phys. B. 1974. V. 7. N 5. P. 644. doi org/10.1088/0022-3700/7/5/016
- [19] Adibzadeh M., Theodosiou C.E. // Atomic Data and Nuclear Data Tables. 2005. V. 91. P. 8. doi 10.1016/j.adt.2005.07.004
- [20] Райзер Ю.П. Физика газового разряда. Издательский Дом „Интеллект“, 2009. 736 с.
- [21] Deloche R., Monchicourt P., Cheret M., Lambert F. // Phys. Rev. A. 1976. V. 13. N 3. P. 1140.
- [22] Wells W.E., Monchicourt P., Deloche R., Berlande J. // Phys. Rev. A. 1973. V. 8. N 1. P. 381.
- [23] Trunec D., Španěl P., Smith D. // Contrib. Plasma Phys. 1994. V. 34. N 1. P. 69.
- [24] Kolokolov N.B., Kudryavtsev A.A., Dlagoev N. A. // Phys. Scr. 1994. V. 50. P. 371.
- [25] Biondi M.A. // Phys. Rev. 1954. V. 93. N 6. P. 1136.
- [26] Smith D., Dean A.G., Adams N.G. // Z. Physik. 1972. V. 253. P. 191.
- [27] Bhattacharya A.K., Ingold J.H. // J. Appl. Phys. 1972. V. 43. N 4. P. 1535. doi org/10.1063/1.1661357
- [28] Robson R.E. // Phys. Rev. A. 1976. V. 13. N 4. P. 1536.
- [29] Robson R.E. // Phys. Rev. E. 2000. V. 61. N 1. P. 848.
- [30] Arslanbekov R.R., Kudryavtsev A.A., Tsendin L.D. // Phys. Rev. E. 2001. V. 64. P. 016401.
- [31] Голант В.Е., Жилинский А.П., Сахаров И.Е. Основы физики плазмы. М.: Атомиздат, 1977. 384 с.
- [32] Baghel S.S., Gupta S., Gangwar R.K., Srivastava R. // Plasma Sources Sci. Technol. 2019. V. 28. P. 115010. doi org/10.1088/1361-6595/ab4684
- [33] Oskam H.J. // Phillips Research Reports. 1958. V. 13. P. 352.
- [34] Thompson J.B. // Proc. Phys. Soc. 1959. V. 73. P. 818. doi org/10.1088/0370-1328/73/5/416
- [35] Maccallum C.J. // Plasma Physics. 1970. V. 12. P. 143. doi org/10.1088/0032-1028/12/3/001
- [36] Rogoff G.L. // J. Phys. D. 1985. V. 18. P. 1533. doi org/10.1088/0022-3727/18/8/018
- [37] Lichtenberg A.J., Vahedi V., Lieberman M.A., Rognlien T. // J. Appl. Phys. 1994. V. 75. N 5. P. 2339. doi org/10.1063/1.356252
- [38] Ivanov V.A. // J. Phys. B. 1998. V. 31. P. 1765.
- [39] Bethe H.A., Salpeter E.E. Quantum Mechanism of One- and Two-Electron Atoms. N.Y.: Academic Press, 1957. 375 p.
- [40] Dielis J.W.H., de Hoog F.J., Schram D.C. // J. Appl. Phys. 1980. V. 51. P. 5708. doi org/10.1063/1.327578
- [41] Johnsen R., Biondi M.A. // Phys. Rev. A. 1978. V. 18. N 3. P. 989.
- [42] Courville G.E., Biondi M.A. // J. Chem. Phys. 1962. V. 37. N 3. P. 616.
- [43] Биберман Л.М., Воробьев В.С., Якубов И.Т. Кинетика неравновесной низкотемпературной плазмы. М.: Наука, 1982. 378 с.
- [44] Frommhold L., Biondi M.A., Mehr F.J. // Phys. Rev. 1968. V. 165. N 1. P. 44.